

# Гусляр

Богдыхан Дзин-Ла-О, да будет его память священна для всего мира, который только носит косы, — был мудрый и справедливый богдыхан.

Однажды он призвал к себе своих приближённых и сказал им: — Я хотел бы знать имя величайшего злодея во всём Пекине, — чтоб наказав его примерно, утратить злых и поощрить к добродетелям добрых.

Придворные поклонились в ноги и отправились. Три дня и три вечера ходили они по Пекину, посещали базары, чайные дома, курильни опиума, храмы и вообще места, где толпился народ. Внимательно прислушивались.

А на четвёртый день пришли к богдыхану, поклонились в ноги и сказали:

— Мы сделали всё, что нам только позволяли наши слабые силы, чтоб исполнить твою небесную волю. И исполнили.

— Знаете ли вы теперь величайшего злодея в Пекине? — спросил богдыхан.

— Да, повелитель вселенной. Мы его знаем. — Его имя? — Тзянь-Фу.

— Чем же занимается этот негодяй? — воскликнул, вскипев благородным негодованием, богдыхан.

— Он играет на гуслях! — ответили посланные.

— Какие же преступления совершает этот гусляр? Он убивает людей? — спросил богдыхан.

— Нет.

— Он грабит?

— Нет.

— Он крадёт?

— Нет.

— Да что же, наконец, такое невероятное делает этот человек? — воскликнул богдыхан, теряясь в догадках.

— Ровно ничего! — ответили посланные. — Он только играет на гусях. И славно играет, надо сознаться. Сам ты, владыка солнца и повелитель вселенной, не раз изволил слушать его игру и даже одобрять её.

— Да, да! Теперь я припоминаю! Гусяр Тзянь-Фу! Припоминаю. Отличный гусяр! Но почему же вы считаете его величайшим злодеем в Пекине?

Придворные поклонились и отвечали:

— Потому что его ругает весь Пекин. «Негодяй Тзянь-Фу»! «Мошенник Тзянь-Фу»! «Злодей Тзянь-Фу»!- только и слышишь на каждом шагу. Мы обошли все храмы, все базары, все чайные дома, все места, где толпится народ, — и всюду все только и говорили, что о Тзянь-Фу. А говоря о нём, только и делали, что его ругали.

— Странно! — воскликнул богдыхан. — Нет, тут что-нибудь да не так!

И он решил сам расследовать загадочное дело. Переоделся простолюдином и в сопровождении двух тоже переодетых телохранителей отправился странствовать по улицам Пекина. Он пришёл на базар.

Утренний торг кончился, торговцы складывали свои корзины и болтали между собой.

— Негодяй этот Тзянь-Фу! — кричал один из торговцев. — Он опять вчера вечером на празднике, по случаю новолуния, играл печальную песню. Что бы ему сыграть что-нибудь весёлое!

— Да как же! Ждите! — злобно захохотал другой. — Разве этот негодяй может играть весёлые песни! Весел тот, у кого душа бела, как цветок чайного дерева. А у этого мошенника душа черна, как тушь. Вот он и играет печальные песни.

— Как только не повесят такого злодея! — воскликнул кто-то в толпе.

— Его надо распилить тупой пилой пополам, и непременно вдоль! — поправил сосед.

— Нет, привязать к двум лошадям за руки и за ноги и так разорвать!

— Посадить в мешок с давно не кормленными кошками!

И все кричали:

— Злодей Тзянь-Фу! — Негодяй Тзянь-Фу! — Как его терпит земля!

Богдыхан пошёл в чайный дом.

Посетители сидели на циновках и пили чай из крошечных чашечек.

— Добрый день, добрые люди! Пусть души предков шепчут вашим душам хорошие советы! — приветствовал богдыхан, входя и кланяясь. — Что новенького в Пекине?

— Да вот мы только что без тебя говорили о негодяе Тзянь-Фу! — сказал один из присутствовавших. — А он сделал что-нибудь? — спросил богдыхан. — Как? Разве ты не слышал? Весь город говорит об этом! — воскликнули все кругом. — Вчера он нечаянно зацепил ногтем не за ту струну и взял неверную ноту! Негодяй!

— Что это был за ужас! — воскликнул один, делая вид, что корчится.

— И его ещё не повесили! — Не растерзали!

И все, возмущённые до глубины души, восклицали:

— Негодяй Тзянь-Фу! — Мошенник Тзянь-Фу! — Злодей Тзянь-Фу!

Богдыхан пошёл в курильню опиума. Там стоял страшный шум.

— Что случилось? — спросил богдыхан.

— А! Как всегда! Спорят о Тзянь-Фу! — махнул рукой хозяин.

Курильщики, лежа на полатах, ругали Тзянь-Фу на чём свет стоит.

— Сыграл вчера пять песен! — кричал один. — Как будто не достаточно двух!

— Сыграл вчера пять песен! — ворчал другой. — Как будто не мог сыграть семь или восемь!

И они ругательски ругали Тзянь-Фу, пока не засыпали с открытыми глазами.

И тогда всё-таки бормотали во сне: — Злодей Тзянь-Фу! — Негодяй Тзянь-Фу!

— Мошенник из мошенников Тзянь-Фу!

Богдыхан пошёл в храм.

Люди молились богам, но, когда уставали молиться, обменивались замечаниями и шёпотом говорили друг другу:

— А Тзянь-Фу, всё-таки, негодяй!

Короче сказать, до вечера богдыхан обошёл весь город и везде только слышал:

— Тзянь-Фу! Тзянь-Фу! Тзянь-Фу! Злодей! Негодяй! Мошенник! Наконец,

вечером, возвращаясь домой, он зашёл по дороге в дом бедного кули и, пожелав хозяевам хорошего ужина, спросил:

— Слыхали ли вы гуслея Тзянь-Фу?

— Где нам! — ответил бедный кули. — Разве у нас есть время развлекаться или платить за игру на гуслеях! У нас не хватает на рис! Но мы знаем всё-таки, что Тзянь-Фу негодяй! Об этом говорит весь Пекин.

И вся семья принялась разбирать игру человека, которого они никогда не видали и не слыхали, и приговаривать: — Злодей Тзянь-Фу! — Негодяй Тзянь-Фу! — Мошенник Тзянь-Фу!

Богдыхан, вернувшись во дворец, был вне себя от изумления.

— Что бы это значило?

И, несмотря на поздний час, приказал немедленно разыскать и привести Тзянь-Фу.

Гуслея разыскали и немедленно привели к богдыхану.

— Здравствуй, Тзянь-Фу! — сказал богдыхан. — Знаешь ли ты, что во всём Пекине никого не ругают, кроме тебя?

— Знаю, небесная мудрость! — отвечал, лёжа ниц, Тзянь-Фу.

— Все только и делают, что разбирают твою игру. Докапываются до таких мелочей, что просто ужас. И ругают тебя за эти мелочи на чём свет стоит!

— Знаю, небесная мудрость! — лепетал Тзянь-Фу.

— Отчего же это происходит?

— А происходит это по очень простой причине! — отвечал Тзянь-Фу. — Им не позволено ничего обсуждать, кроме моей игры на гуслеях. Вот они меня одного и разбирают, и ругают.

Богдыхан приложил палец ко лбу и сказал:

— А!

И приказал запретить также обсуждать и игру Тзянь-Фу. Богдыхан Дзин-Ла-О был справедливым богдыханом.